

Святость и страдание

Христианское подвижничество есть путь, имеющий своей целью спасение души во имя любви к Богу и к ближнему.

Тип подвижника православного (будь то монах-затворник как св. Серафим Саровский или праведница, спасающаяся в миру, подобно св. Иулиании Лазаревской) отличается какой-то необыкновенной простотой, озаренной светом радости, — «радости о Дусе Святе»¹.

Страдание принимается православным подвижником со смирением, принимается как милость Божия, способствующая очищению грехов, просветлению духа, — восхождению подвижника по пути святости. И, подобно тому, как воздух, чем выше, тем бывает разряженнее, так греховная человеческая природа, очищаемая подвигом, становится менее плотяной. И спасающийся, освобождаясь от эгоистической душевно-телесной самости, уступает внутри себя господствующее место тому Божественному началу, которое было вдохнуто в него Создателем, когда Он сотворил человека по образу и подобию Своему.

Такое определение подвижничества, вероятно, могло бы быть принято и католиками. Однако у последних на пути к святости встречаются черты, абсолютно чуждые православному духу. Таково, напр., отношение католических святых к страданию, отношение из которого вытекают совершенно неприемлемые для православного сознания факторы.

Корень главного расхождения двух путей может быть рассматриваем в различной оценке православными и католиками евангельских событий — оценке определенно отпечатавшейся в культе. Понятно, думается, что тут речь идет о том первенствующем значении, которое придает восточная церковь Воскресению Христову в то время, как западная — как бы зафиксировала свое внимание на страданиях и смерти Спасителя. Отсюда, повторяю, возникает разница отношения к личному страданию на пути святости в обеих церквях. В западной существует какая-то (нам мало

¹ Рим. XIV, 17.

понятная) *жажда* страдания, настойчивое требование страдания, заставившее Св. Терезу Авильскую воскликнуть: «Страдать, — или умереть!».

В этой направленности можно различить два элемента: 1) понятие о том, что страдания праведника искупают проступки грешника (идея индульгенций с обратной стороны). Источник этого понятия основан, конечно, на том, что Христос искупил Своим страданием и смертью весь грешный человеческий род. Но в католицизме смысл искупительной жертвы Спасителя несколько искажается, — вернее, как бы там остается идея жертвы ветхозаветной забывается, что последняя заменена Самим Господом жертвой бескровной — Евхаристией. (Для изгнания же бесов, как из себя, так и из ближнего, дано опять же Самим Господом двойное оружие: молитва и пост². Затем в католицизме как будто забывается, что Христов, искупив Своей крестной смертью грехи всего мира, в то же время оставил человеку полную свободу и возможность выбора — пойти за Ним или не пойти. Идея же замены (substitution), по которой *сильные* принимают на себя не только страдания, но и искушения *слабых*, сводит на нет свободную волю грешника, который, таким образом, спасается за счет праведника. Получается некоторая механизация процесса спасения. Кроме того, понятие католического подвижника, что он обязательно должен страдать, как страдал Сам Христос, противоречит тому простому смиренному, хотя и радостному приятию православным подвижником страдания, *если таковое посылается* ему Богом (не надо также забывать тот факт, что христианские мученики *не чувствовали* своих страданий, т.е. страдали не одни, а со Христом, взявшим их мучения на Себя).

2-й элемент, исходящий из того же фиксирования земных страданий Спасителя есть определенная в католицизме направленность религиозно сосредотачиваться на *человеческой*, телесной природе, как Самого Христа, так и спасающегося. Отсюда известное почитание пронзенного сердца

² Мф. XVII. 21.

Христова («Sacre Coeur»), с одной стороны, и такое распространенное в католич. мире явление, как стигматы, а также уязвленность сердца, как у св. Терезы Авильской. При сравнении религиозных экстазов этой, одной из самых значительных католических святых, с благодатным пребыванием св. Серафима Саровского во Св. Духе — (стяжание Которого и составляет, по словам преподобного, цель христианской жизни)³ — особенно ярко выделяется различие двух путей. Там — жуткий транс, напоминающий болезненный припадок, — картина, наводящая на ужас, состояние о котором хочется не думать; тут — достаточно прочесть выдержки из Мотовиловой беседы⁴, чтобы проникнуться той неземной радостью и светом, кот. озарено это бесхитрое повествование. Иначе говоря: там — мучительно ощущаются оковы тела, здесь — невольно приближаешься к тому, что должны были испытывать апостолы на горе Фаворе.

Самый, пожалуй, близкий нам по духу католический святой, Франциск Ассизский, тоже имеет *стигматы*. Когда читаешь замечательное житие этого подвижника, неприятно поражаешься описанием момента стигматизации.

Знаменательно, что от Франциска Ассизского до конца XIX-го века в католич. мире более или менее установлено свыше 300 случаев стигматизации, из которых только 60 признаны церковью как явления святости.

В настоящее время в Баварии, в местечке Konnersreuth, 29-летняя девушка, крестьянка Тереза Нейман, уже 2-й год стигматизирована и каждую неделю, в ночь с четверга на пятницу, переживает страдания и смерть Христа. Невозможно без содрогания читать о подробностях. Католическая Церковь проявляет пока большую осторожность и не высказывает своего мнения по этому вопросу. Ученые волнуются. А местные жители и верующие паломники начинают определенно говорить о святости. Тереза

³ Рим. XIV. 17.

⁴ Вестник №№1–7 за 1927 г. Беседы преп. Серафима Сар. с Мотовиловым.

Нейман с прошлого Рождества не принимает даже жидкой пищи. Только причащается ежедневно. Очевидец пишет, что принятие Св. Тайн причиняет ей тяжкие физические страдания.

Нам, русским людям, непонятно все это. Непонятно и чуждо.

Нам близок и понятен почивший патриарх Тихон; близка замученная, с христианским смирением, до конца пронесшая свой крест, царская семья; и митрополит Вениамин, и своей смертью умерший, несомненный подвижник, епископ Иона; и тот епископ, что на дальнем Севере, в жесточайших условиях, совершает Божественную литургию у себя в хибарке: — не для народа, но за народ, за всех нас, за весь мир...⁵

И с ними всеми, умершими, как и живыми, мы соединены великой, непоколебимой силой — Православной Церковью.

Церковь Христова, с самого ее основания, служит звеном между человеческим родом и его Небесным Отечеством, для нас, зарубежных русских, Православная Церковь, в данный момент, есть и то единственное, чем мы сведены с отечеством земным. И не только в настоящем, но и в прошлом, — на протяжении всей истории государства Российского.

Пусть неправильно было упразднение патриаршества и учреждение Синода. Тем не менее, вычеркивать синодальный период из русской истории, наподобие евразийцев, было бы нелепо и грешно. Тому свидетельствуют такие явления, как св. Тихон Задонский, препод. Серафим Саровский, отец Иоанн Кронштадтский.

Но смотреть *только* назад, рыдать над невозвратимым прошлым и не учитывать ни настоящего, ни будущего, столько же нелепо и грешно.

Перед нами стоит тяжелая, ответственная задача: среди нас, здесь, за рубежом, создать кадры людей, которые будут нужны нашей родине, а не окажутся лишними, никуда негодными пришельцами, говорящими на чужом языке и не понимающими того, в чем нуждаются их братья. И еще, самое главное, — суметь воспитать вырастающее на чужбине поколение; воспитать

⁵ Вестник. №6. Письмо.

его так, чтобы каждый из этих детей, впоследствии, оказался достойным звания православного христианина и русского патриота.

М. Балашева

Париж